

Яков Ланда

П Р О В И Н Ц И А Л Ы

Рассказ-сценарий

Для тех, кому жить в эту пору прекрасную уж не придется, как мне и тебе, поясню: винно-водочные отделы гастрономов закрывались в семь вечера, и строгое это правило, равно безжалостное к москвичам и к гостям столицы, соблюдалось неукоснительно, выдавая страждущих после семи на растерзание торгующим водкой таксистам с их бесстыжими ценами.

Имел хождение анекдот. «Кто такие семиты? – Те, кто успевают до семи. А антисемиты? – Те, кто до семи не успевают, и они, конечно, уверены, что во всем виноваты евреи...».

Но вряд ли безутешные опоздавшие, равно как и те, кто успел и утешился, подозревали, что роковой этот час – семь вечера – ставит на сегодня точку и для другого легиона страждущих, знающих власть иной, но не менее пламенной страсти. Угадали?

Подсказываю. Для первых занавес ровно в семь вечера падал, а для вторых поднимался. Ну, конечно... Только поднимался он не для всех, а лишь для счастливых обладателей вожденного билета. «Нет лишнего билетика?» – произносилось ласково, что в соединении с просительной интонацией было заклинанием, могущим способствовать чудесному появлению просимого. То ли в руках москвича, бросающего отрывисто на бегу к театральному подъезду: «Есть, есть!», перенося раздражение с не явившегося вовремя партнера на непрошеного просителя. То ли на столике театрального администратора, когда вся броня роздана – нет, не вся, и упершийся локтями в окошечко счастливец это уже видит, все еще не веря глазам своим; и суровая дама в окошке, взглянув на часы, говорит нехотя: «Ну ладно, есть, но только два билета, и дорогие...», а он радостно: «да-да... конечно...», тут же увядая под ее ледяным усталым взглядом, а за спиной завистливое сопенье, но тут надо быть первым, да и первому-то не всегда везет, а уж остальным... Им потом и в ряды «семитов», чтобы развесть печаль, не влиться: поздно, а в Ленинграде спектакли начинались вообще в полвосьмого, так что альтернатива тем более исключалась.

А, впрочем, страсти эти все же настолько разные, что, как выразился бы математик, множества их носителей практически не пересекались.

Но если в первом случае правило семи часов уравнивало аборигенов и приезжих, то во втором случае речь шла только о последних. На день-два,

пусть даже до конца недели приехавших, но, если не попадешь на спектакль сегодня, то когда еще повезет...

То ли дело москвичи – они всегда успеют. Но в этом рассуждении крылось и глубокое заблуждение, ибо расслабленный столичный театрал терял бойцовские качества, уступая приезжему и в эрудиции, и в длине списка одержанных побед. А приезжие перебирали любовно дома свои трофеи – театральные программки, с гордостью показывая домочадцам на имена, знакомые всем по титрам кинофильмов и телепередачам. От фетишей иного рода трофеи эти отличались совершенной своей безвредностью и вызывали вздохи не только восхищения, но и облегчения: ясно было, что одинокие свои вечера командированный в столицу супруг проводил самым невинным образом.

А москвичи – им, конечно же, казалось: не сегодня, так в следующий раз; спектакли в репертуаре столичных театров держатся десятилетиями – благодаря тем же приезжим. Но – так, да не так: проходит время, и из иных спектаклей словно воздух выпущен или рисунок сбит, посыл утрачен, а в других сплошь замены, и в программках рядом с заветными именами – фиолетовые надпечатки. Казалось бы, эти, новые, всем хороши и сами уже звезды, но те, первые, просто незаменимы: часть прожитой жизни, зеркало и краткий перечень века... И это еще до лавины смертей начала восьмидесятых. Все казалось, успеется, да и сам кумир то не в форме, то не в духе, то в отъезде, и вдруг – все, точка, а дальнейшее – молчание.

Поездки порой совместные, и такую страсть от коллег скрыть трудно: куда это он по вечерам исчезает? Однажды начальник планового отдела попросил взять его с собой вечером к театру. И долго потом рассказывал: «Там такая толпа была... Я до самого начала простоял. Клянусь, за весь вечер один единственный билет у входа продали, и кому он, как вы думаете, достался? – ему!...» Вот и главбух, принимая отчет после трехдневной поездки в Ленинград, спросил, улыбаясь: «Вы не в БДТ командировку отмечали? Я в газете читал: там премьера громкая была, лошадиная какая-то история...».

Но театр – вечером, как награда за труды; в столицу-то посылают – не в театры. Вот и сейчас, стоя у окна, за которым проносились подмосковные перроны, и вежливо прижимаясь к поручням, когда мимо пробежала хлопотливая проводница – в каждой руке по три стакана в серебристых подстаканниках, он не о театре думал, а о работе.

Сразу с вокзала – в министерство. Там в понедельник с утра в бюро пропусков такая очередь – полдня потеряешь, так что надо быть первым. А потом весь день – гонка с препятствиями. Утомлять читателя техническими подробностями или на слово поверит, что задание командировочное почти невыполнимое. На что ж надежда? На напор бешеный? На аргументы? Их вагон, только кто услышит? Большой министерский начальник в подробностях разбираться не станет, но с ним, впрочем, и проще: ведь он, матерый волчище, нутром чует – прав энтузиаст из провинции, не за себя же хлопотать приехал. Но этот вопрос без начальника главка не решить – улыбчивый такой молодой человек, ни на одном заводе не работал, все годы в министерстве, с должности завотделом главка и скакнул наверх – интересно, кто за ним стоит? А волчище – осторожный зам, он сперва отправит в научно-техническое управление, а вот там увязнешь. Ну да ладно, все это неинтересно... Вот и вокзал, приехали. Тут уже год ремонт длится – к Олимпийским играм, и строительные леса украсили надписью: «От техники безопасности – к безопасной технике!». Почему-то вспомнился плакат на здании ресторана, в их городе: «Только труд дает право на наслаждение». Тоже красиво. Замечательно, что забыть эти плакаты совершенно невозможно. Ну вот как раз за окном его бюро такой вот шедевр этого жанра начертан: «Рабочей инициативе инженерную поддержку!». Так и видится: двое рабочих с бутылкой и стаканом приглашают принять участие идущего мимо итээровца... Ну все, некогда, бегом к метро.

Работа – главное. Но грядет ведь и ночь неизбежно, а где же голову приклонить? Московские гостиницы не для человека, с поезда спешащего в министерство, а потом в театр. Вообще непонятно, кто в них живет: там к стойке администратора привинчена табличка «мест нет», на которой логично было бы дописать «и не будет». Есть, правда, исключение – несколько похожих друг на друга, как близнецы, корпусов в районе ВДНХ. Там, к полуночи, может оказаться, что кто-то да не приехал, и дама за стойкой, оторвавшись от монотонного часового разговора по телефону, обрадует почти уже заснувшего в креслах посреди фойе командировочного неожиданно участливым: «Заполняйте...». Но и это – если повезет, а не повезет – так в фойе и ночевать?

Но, как, впрочем, и в иных областях и отраслях развитого социализма, реальная жизнь, пробившись сквозь асфальт, нашла выход: в министерстве можно получить направление в «странноприимный дом» – расположенное в обычном многоквартирном доме и составленное из нескольких

соединенных между собой квартир уютное служебное общежитие. Обычный жилой квартал, никакой вывески, адрес лишь да номер комнаты, где рядом с ожидающей тебя уже постеленной на ночь кроватью стоят еще три, и богатырский храп умаявшихся за день командированных. Хмурая уборщица, она же и вахтер, является под утро. А тебе поздним вечером откроет прилепавший босиком от своей кровати в прихожую заспанный постоялец. Откроет и трусцой, не взглянув даже на пополнение, – к своей койке, бух головой в подушку, досматривать сон о том, как на завтрашней коллегии министерства решится, наконец, вопрос о срыве капстроительства, из-за чего он, собственно, и томится тут в Москве уже третью неделю. Из сумки под кроватью выглядывает ствол купленного для сына игрушечного танка, а на кухне, в трудно урчащем холодильнике, рядом с неизвестно кому принадлежащими свертками да недопитыми бутылками стынет в полиэтиленовом мешке гигантский кусок вырезки – и домой, и друзьям: в Москве ведь это запросто, счастливы...

И засыпаешь, окруженный всем этим... Ладно, пустяки, неважно, зато какой спектакль сегодня увидел! Награда за весь сумасшедший день, за все... Катарсис... Пусть торжествуют повсюду серость и гнусь, но вот же, прямо в столице, у *них* под носом... Вот щедринский Балалайкин причитает плаксиво: «Господи, как плохо в Европе!...» – и в зале хохот, аплодисменты... А на другой сцене, в доме на набережной, звучит: «Они щеголяют цитатами из Маркса, из Владимира Ильича, выдают себя за строителей нового мира... Они хватают, хапают, нажираются, благоустраиваются... Но ведь бездари, неучи!...» И – овация, все встают...

Любите ли вы театр, как люблю его я? За что, впрочем? Да признайся, не театр, «как таковой» важен, а эти инъекции адреналина, когда ожидаешь с ужасом и восторгом: вот сейчас всех арестуют, и тех, кто на сцене, и тех, кто в зале... Только кто в том зале сидит-то – те, кто смог достать билеты в партер этого театра, признанного рассадника безудержной и разнузданной фронды. Билет этот давно уже – как флакон французских духов, как томик этого... Монтеня, например. Ясно, что за люди в том партере? Торговля, министерские, начальство всякое. Так что все, что сюда несется со сцены, как в вату попадает, глохнет. И только на балконе, не сговариваясь, встанут и аплодируют, счастливо переглядываясь друг с другом, командированный энтузиаст и дерзкая московская студентка. Вот тогда и зал подхватит: во-первых, фронда в моде, во-вторых, ясно, когда начинать аплодировать.

Так это было лет тридцать назад. Не веришь, потомок?

Ну вот, все позади – он в театре, и медленно уходит то состояние, в которое он вгонял себя, подходя к театральному подъезду,. Состояние эдакой эйфории, отвязанности, способности к любому неожиданному действию, молниеносной реакции, когда, как в любимом романе его юности, время послушно затормозилось, секунды стали предлинными, и в течение каждой можно было видеть всех сразу. Всех, стоящих у входа в ожидании опаздывающего к началу партнера и нетерпеливо поглядывающих по сторонам. Всего за минуту до начала, когда кто-нибудь из них, безнадежно вздохнув, полезет в карман за билетами, несмотря на то, что совсем рядом с ним другие страждущие, а ты – метрах в пяти, притом почти спиной, тут же оказаться рядом. В одной руке – деньги, пальцы другой вежливо и бережно, как пойманную бабочку, придерживают все еще находящийся в руке владельца билет, а в ответ на растерянные взгляды охнувших конкурентов посмотреть сочувственно и рассеянно, как стоящий у окна пассажир – на озаряемые бегущими огнями лица зевак, что вышли поглазеть на проезд столичного курьерского.

Но в этот раз у подъезда ожидающих не было. Была бы рядом станция метро... Обычно он спрашивал о лишнем билетике не на такой станции – там спрашивали уже у открывающихся дверей вагонов, а на той, где пересаживались, чтобы на эту станцию попасть, и где он был один, вот и выигрывал порой почти бесплотный шанс. Но к этому театру вело много дорог, и обладатель лишнего билета мог появиться откуда угодно.

Однажды, в июльскую духоту, он влез в открытое на втором этаже театра окно, из которого выплывали кольца табачного дыма – судя по всему, туалета. Курят и дамы, поэтому, карабкаясь, молитвенно просил туалет оказаться мужским. И повезло, а изумленным курильщикам, стоявшим у окна, показал небрежно: мол, выронил тут... Те поначалу кивнули понимающе, а потом заглянули в окно и сделали большие глаза, а он индифферентной походкой вышел в фойе. Но сейчас все окна в здании были закрыты. Что же делать? Он побрел к служебному входу в театр.

Служебный вход расположен так, что найдешь его далеко не сразу. Надо не просто за угол свернуть, но еще и пройти через дворик, уставленный автомобилями, и уж там, в самом конце здания, – заветная дверь, и за ней, справа, – старушка-вахтерша за столиком с телефоном. За спиной у старушки – доска объявлений, вся увешанная объявлениями и записками, нечто вроде забора, на котором чего только не написано.

Требование непременно пройти флюорографию. Объявление о грядущем распределении «заказов». Кстати, а это, потомок, что означает? Спроси у родителей. Некто безуспешно прождавший два часа оставляет сценарий на вахте, а виновнику записка сулит неизбежные сложности в семейной жизни после отъема известных органов. Интересно расписание репетиций на неделю, где знакомые названия спектаклей и громкие имена, как на афишах у подъезда, но тон удивительно деловой и будничной, так что можно заподозрить: и здесь, где под сенью крыл Мельпомены свободно расцветает творчество и резвится богема, свои рутинные проблемы и заморочки. Ну, как у них, в объединении: вечные дразги – кому жидкий азот в первую очередь, а в колхоз – в последнюю, график отпусков и все такое. Но не верится.

Доска объявлений видна сквозь стеклянную дверь, что сразу после входной. Откроешь эту вторую дверь – встретишься с внимательным взглядом вахтерши. Ох, и непроста эта старушка! Лицо-то у нее доброе, как у бабушки из детской сказки, но, если присмотреться, бабула не иначе, как из «органов»: память опытного розысника плюс интуиция седого ветерана. Там кто только за день не проходит – никто пропуск не показывает, одни здороваются кивком, другие на ходу бросают: «к Александрычу», и она лишь молча кивнет в ответ. Порой пробежит, небрежно сделав ручкой, юный отрок, и ему можно, а вот заходит вполне солидный на вид мужчина, а бабушка встречает его внимательным, в упор, взглядом, и долго потом дозванивается, выясняя, ждут ли его, можно ли пропустить. В общем, та еще бабка.

У дверей служебного входа, пылливо глядя перед собой, стоял молодой человек творческой наружности, но точно не артист, и взгляд его был столь красноречив, что было совершенно ясно, чего молодой человек хотел, точнее сказать, алкал: выпить.

- Скажите пожалуйста... – начал было он издалека, но молодой человек предельно лаконично упростил ситуацию :
- Надо пройти? Трагедия.
- Я знаю. А сколько... – и тут он неожиданно понял, что «трагедия» – не жанр сегодняшнего спектакля, а именно цена: трешка.
- Идем, я тебя пристрою, а то скоро начало.

И повел мимо пронизательного взгляда все же промолчавшей бабули.

Прошли по длинным коридорам, вдоль стен которых свисали какие-то кабеля, потом поднялись по высокой почти отвесной лестнице и, открыв

узенькую железную дверь, неожиданно оказались среди ожидающей начала публики на балконе театра, где яблоку упасть было некуда. Он бывал здесь и раньше.

Юноша протиснулся к похожему на короткоствольный пулемет театральному фонарю, смонтированному на специальной раме, и жестом показал на крохотное сиденье:

- Садись тут, за «пистолетом», больше негде.
- А вы?
- А я сейчас приду. Здоровье маленько подправлю.
- А если начнется?
- Слушай, тут начало совсем простое... Смотри: вот здесь включать. Свет медленно появляется, направляешь, куда надо. И все.
- А куда надо?
- Там вначале появляется большой бугор со свитой. Начальство. Ну их усаживают. Как они появятся, берешь пистолетом и ведешь туда, где их усадят. Потом выключишь. И все. Если я опоздаю. Ну я побежал. Понял?

- Понял.

Ну вот – свет, наконец, погас, и тотчас же по широкому центральному проходу от входной в зал двери двинулась к сцене группа: три гостя и некто, указывающий им дорогу, почтительно пятясь задом.

Опомнившись, он включил фонарь и, взяв всю группу световым пятном, лучом проводил к первому ряду, где гостей усадили. Публика реагировала спокойно: в этом театре персонажи, выходя на сцену, могли появиться откуда угодно.

Рядом появился запыхавшийся осветитель. Изобразив на лице чувство глубокого удовлетворения и жестом показав: «сиди», сам взялся за фонарь.

И тут из-за кулис на сцену вальяжной походкой двинулась группа из трех начальников, которую некто вел к авансцене, хоть и не пятясь, но гостеприимно и почтительно. Осветитель немедленно сопроводил их световым пятном, и тут всем стало ясно: те, что усажены в первом ряду, –

«настоящие»... И теперь они, как в зеркало, глядели на тех, кто сидел на авансцене... Первые смешки раздалась, конечно, на балконе, потом захохотал весь зал, послышались нестройные аплодисменты.

Сидевшие в первом ряду встали, и самый грузный из них, по-бычьему пригнув голову и тяжело дыша, стремительно зашагал к выходу из зала. За ним поспешили и сопровождающие. Едва ступив в фойе, грузный обернулся к ним и рявкнул так, что услышали и в притихшем зале: «Это провокация!».

И тут он, похолодев, понял: эта «провокация» – его рук дело! Ну, натворил... Он протиснулся мимо ничего не понявшего осветителя и, наступая на ноги сидевшим на балконных ступеньках, спустился в фойе.

Большого начальника уже не было. Одного из сопровождавших – по-видимому, водителя – тоже, а перед оставшимся, растерянно разводя руками, приседал тот самый, что провожал и пятился. Лысина его была в испарине.

- Уверяю вас... Это недоразумение, технический сбой... Осветитель уже уволен... Неужели Иван Игнатьевич мог подумать... Только этого нам не хватало...

Он подошел поближе.

- Извините... Понимаете, это я все устроил. Нечаянно, конечно, но это я... Осветитель ни при чем...

- Вы кто, собственно, такой... Вы как туда попали? Где вы сидите? Ваш билет? Где осветитель?...

- Нет у меня билета... Так получилось... Осветитель ни при чем...

- Видите, что у вас творится! Ну что теперь делать? Да мы Ивана Игнатьевича привели, уговорили, потому что – спектакль о войне, вы же говорили – «патриотический» – а теперь что... Вы понимаете?...

Функционер был расстроен не менее, чем директор театра.

- Юрка... Я ему сейчас голову оторву... Директор побежал на балкон, но обернулся на ходу.

- Сережа! Разберитесь тут с гражданином... Как он сюда попал... Выведите его из театра... Ну, Юра...

Сверху по лестнице спустился милиционер, румяный гигант с широким и добродушным лицом. Спросил понимающе:

- Без билета? Ладно, пойдемте, я вас через запасной выход выведу. Там сегодня зрители выходить будут... Так задумано. По всем коридорам пройдут. Александрыч! Ну – Мейерхольд...

- А вы тоже... театрал?

- Ну. Сейчас как раз Репетилова работаю. В студии у нас, при доме Милиции. А что вы там натворили?

- Ох, не спрашивайте. Но я же не нарочно...

Они поднялись по лестнице, прошли совсем немного и очутились у металлической двери, выходящей на лестничную площадку соседнего с служебным входом подъезда. Других дверей там не было, только эта на втором этаже, да еще закрытый на огромный замок чердачный люк этажом выше. И он вышел в этот подъезд, который хорошо знал: входная дверь внизу частенько бывала открытой, и этот подъезд служил приютом самым заядлым театралам, порой коротавшим здесь долгие вечера и ночи в ожидании заветного часа продажи той крохотной доли билетов, что периодически все-таки поступала в театральную кассу. Здесь назначались переключки, здесь на стене была оставленная какими-то восторженными энтузиастами надпись: «Мы хотим в театр, попасть в который невозможно!», а на крохотной предчердачной площадке даже два колченогих стула и пустая консервная банка с окурками на полу; здесь, на ступеньках лестницы, часами сживали по одному, уткнувшись носом в колени, и порой, положив сонные головы по лошадиному друг другу на плечи.

Сейчас тут было пусто, и лишь у самой входной двери, несмело держась за ее ручку, стояла женщина. И она спросила...

Стоп. Нельзя вот так просто дальше, надо объясниться. Потому что читатель – мы, правда, уже сказали где-то «потомок»» – ладно, пусть будет «читатель» – непременно подумает: ну вот, женщина появилась... Вот сейчас автор подведет ее за руку к герою, так что ясно, для чего она появилась, ну и так далее.

Да нет же. Ни герой, ни автор – надо ли убеждать, что герой и автор вовсе не совпадают друг с другом? – совершенно не ожидали увидеть там, в дверях, то, что они увидели. Он так просто остолбенел и не сдвинулся бы с места, если бы скрытый от глаз персонажей автор не подтолкнул бы его к ней мягко, но настойчиво.

Женщина – какова же она?

Я бы сказал: «само совершенство», да боюсь, читательского «ну разумеется, как же иначе...». Да нет же. По крайней мере, то, что он услышал, от совершенства было далеко. Удалено не менее, чем от места действия – пламенно и нежно любимой им столицы – тот город у самого синего моря, теперь уже «почти что иностранный», где только и звучит этот чудный южный выговор.

Впрочем, не только. Не только тот иностранный, что у моря, но и тот российский, что на большой тихой реке, где доводилось автору слышать и чарующе мягкое гортанное «г» – на выдохе, и неистребимое «шо» вместо московского «што» – как щелк офицерских каблуков, или ленинградского педантски скрипучего «что»...

Но теперь боюсь, читатель заподозрит в появившейся в дверях даме эту Верку Сердючку. Ни в малейшей степени. Да, эти интонация и построение фразы, южные выговор и темперамент... Но в ней не было и следа развязности. Ослепительная женщина, притом блондинка – да, представьте себе... потрясающе женственная, чьи молодость и свежесть лишь оттенялись легким дыханием приближающейся зрелости.

- Извините, вы не знаете, тут не было переключки на остатки от брони?

- Нет, не знаю... Но – не думаю... А что, обещали?

- А я знаю? По-моему тут никогда никаких остатков не бывает... Я вообще не знаю, или они их вообще продают... (смеется) ...простым людям... Вы когда-нибудь тут в кассе купили?

- Ни разу. Тут и лишних практически не бывает. Я тут знаете только как попадал? В метро спрашивал. И то не здесь, а на кольцевой...

- Ой, ну вы авантюрист... Знаете, у нас в студии даже этюды на дом задают: как сюда без билета пройти... Знаете, кто победил: голый весь, в пене, идет к театру из дома, и у него мыло из рук все выскользывает, а он – за ним... Так и в фойе, мимо контролеров. У меня, говорит, тут мыло...

- Так вы в студии...

- Ага... У нас студия при КБ. А режиссер, вы знаете, – гений... Молодой совсем... Ему в городском театре «Гамлета» запретили... Так он сейчас у нас – Грибоедова ставит... А я – Лизу...

- Какое совпадение... И мы ставим «Горе от ума»... А я – Чацкий... Только знаете, как у нас будет называться? «Горе уму»... Понимаете, да...

- Что вы говорите?... Здорово. А вы откуда?

- Из Свердловска... На кафедре... и в объединении. А вы?

- А я из Одессы. Конструктор, платы интегральные разрабатываем... Оптимизирую, на алголе, правда... средние века... У вас поинтереснее?

- У нас ЕС-ка теперь, сорок пятая, но памяти мало...

- То же самое. Говорят, на PL будем переходить... У нас что плохо: на время очередь... Дают иногда по ночам, так сразу с репетиции и идешь... А утром – на работу...

- А дома как к ночной работе?...

- Да никак. Я не замужем... пока... Вы об этом хотели спросить? (Смеется)

- Ну что вы... А вы тут ждете...

- Да уже и не жду... На спектакль не попала, а до поезда еще долго... На улице холодно... А вы?

- Вы знаете, со мной тут ужасная история произошла... в театре... Из-за меня... Вы заметили, как долго не начинали... Начинали, да прервали... А меня вывели... Я там у них осветителем поработал... Устроил провокацию... Теперь осветителя уволят, а театр – закроют? Вот я думаю, быть может, мне не уезжать... Остаться до понедельника, пойти... объяснить, что это я... и не нарочно...

- А я сегодня уезжаю...

- С какого вокзала?

- С Киевского...

Распахнулась входная дверь, и в подъезд вошла немолодая энергичная дама с веселым курносым лицом, весьма демократично одетая.

- Тут переключки не было на завтрашнюю броню?

- Не было. А что – и на завтрашнюю?

- А как же... Премьера. А потом замены пойдут, или вообще прикроют. Вы же понимаете...

- Закроют? Жалко... А Табаков будет играть, не знаете?

- Не знаю... У Табакова же съемки. Костя, наверное, заменять будет. А вам хочется – с Табаковым?

- Ну конечно... Знаете, для нас Табаков...

- Да, это и наша молодость... Помните, как он мебель рубил?

- Конечно...

- Ой, а вы ведь москвичка. Знаете, я тут сегодня совсем разорилась: книгу за треть зарплаты купила. У этого, Федорова, – первопечатника... То-есть, не у самого Федорова, а там, рядом, у памятника, в смысле – у спекулянта... Тут везде такие цены?

- Везде... А что вы купили?

- Булгакова. «Мастера».

- Так вы не только театралы, но и книголюбы?

- Хотелось бы... Но у нас с этим тяжело. Вы знаете, как я недавно подписался на Толстого? В комплекте с Владимиром Ильичем – полное собрание... Оно хоть не такое дорогое....

- Да, у вас там... Я работаю в отделе подписки. У нас тоже очереди. Но такого безобразия...

- Правда, в отделе подписки? Ну вы – счастливая...

- Ладно. Я вижу, вас надо подписать....

- А вы можете?

- Получите вы своего Булгакова. Восьмитомник.

- Ой... Спасибо. Но я же уезжаю...

- У меня сумка с собой... На дом брать приходится – не успеваю карточки оформлять. Но я же не домой, сюда иду... Так что все с собой. Ну вот... Заполняйте... Платите за первый том и за последний. И за переводку... Вот, заполняйте, не в Москве же вам каждый том получать... Тут еще марки нужны. Паспорт у вас с собой?

- С собой... Вот спасибо...

- Ну а с вами что делать? Толстой у вас уже есть... Ключевского?

- Вы просто угадали! Я мечтал о Ключевском... Это же у него впервые... Ну, что в России главный фактор – географический... Или у Чаадаева?

- Конечно, у Чаадаева... Заполняйте.

На площадку, что вверху, вышел румяный гигант-милиционер. Изумился:

- Антоновна!... Ты опять?... Абонементы? Что вы там у нее покупаете?

- Подписка...

- Уже и подписка... Товарищи, ну вы же взрослые люди... разве можно так уши развесить? Антоновна, я тебя предупреждал... Сядешь снова на старости лет, мало уже тебе?

- Сыночек... Я не буду больше... Бес попутал... Отпусти старуху...

Вслед за милиционером в открытую дверь на площадку вышел раскрасневшийся Функционер. Доругивается со стоящим по ту сторону двери директором.

- Смотрите... Это он... Который остался... Из ЦК, что ли... Я сейчас попробую ему объяснить...

- Подождите... По-моему, это надо по-другому... Подождите... (спешит наверх)

- Извините... Вы ведь Коновалов? Можно у вас попросить автограф? Я вас дважды в «Горе от ума» видела... Большое вам спасибо...

- Гм... Вообще-то я... Я как раз играю в «Горе от ума»... У нас, в студии при комитете... Молчалина... Но я не Коновалов... Я тут по делу... Что мы тут стоим... Неудобно... Давайте хоть выше поднимемся... на минутку...

Они поднялись на верхнюю площадку, и там начался мучительно нескончаемый разговор. Нервно оглядываясь, когда сверху доносился ее хохот, он разговаривал с девушкой, сменившей в подъезде подписчицу: та молниеносно исчезла, как только милиционер вновь шагнул в дверь.

- А вы помните, у Горчакова, ну, в «Режиссерских уроках Станиславского», помните... там, где о Дункан...

- Нет, это не там... Это у Кнебель, в воспоминаниях... Где о «сверхсверхзадаче»... Ну еще Михаил Чехов, помните... Нет, это невозможно... Простите...

И он побежал наверх, к этим нестерпимым взрывам смеха.

- Извините... Извините, я хочу объяснить... Это я все устроил... Нечаянно... Всю эту историю... Так получилось, и театр тут ни при чем... Честное слово... Это я там, наверху, с фонарем...

- Игорь Михайлович? Это вы...? Вы меня не узнаете? Я же Игнатьев... Дима... Ну, Молчалин... Вы у нас читали... И в драмколлективе...

- Дима, а как это вы в Москве? Вы, правда, в ЦК? Вы когда-то начинали по комсомольской линии... И потом были... Но в Перми... А в Москву как?

- Ну... В ЦК... ВЛКСМ... Понимаете, понадобился зам в отделе легкой промышленности, а я как раз по специальности... И был уже первым секретарем горкома комсомола. А у них в ЦК картотека на всех первых, по всей стране... Пригласили... Два года работал... А сейчас вот в отделе культуры начал... Ну и сразу неприятность... Это действительно вы устроили... Нечаянно?

- Нечаянно. Ну, а если намеренно? Что меня теперь ждет? Вы, Дима, наверное, кого-нибудь сейчас вызовете... А с театром что?

- Игорь Михайлович... Пора вам уже из этого детства выйти... Хватит, вы нас тогда в институте всеми этими мифами и легендами... Оттепель, да... Посмотрите вокруг... Где та оттепель? Нормальная жизнь. Да не будет вам ничего... А вы думали – сразу в тюрьму, да? Политзаключенный... Диссидент...

- Дима, я о театре... Там же этот был...

- Да не волнуйтесь... Ничего не будет. В итоге. Этот... Он же не один там... Там, знаете, тоже... сдержки, противовесы. В общем, найдется, кому заступиться...

- Ну, слава Богу... Только чем же это я вам, Дима, так навредил? Оттепель... Так и я одни остатки застал... И те уже... А потом вообще начался сплошной «радостный строй гитар, яростный стройотряд...». Ну вот мы с вами Грибоедова ставили, и закрывали нас... Мне пришлось из института уходить – в объединение... Так вы жалеете? Кажется, карьере вашей все же не повредило...

- Вы поймите... Вот вы нас тогда кормили всеми этими... иллюзиями... На репетициях и вообще... Потом очень тяжело было войти в реальную жизнь. Понимаете – в реальную... Она же и нормальная...

- Насчет «нормальной жизни»... Сахаров-то – уже в Горьком...

- Да ваш Сахаров сам виноват! Понимаете? Он думает, он самый умный... И без него все знают и понимают... И академики тоже... Но равновесие было... А он нарушил... Равновесие нарушил! Он все и испортил!...

Тут невидимый персонажам автор оставил их и вышел из подъезда: пусть доругиваются без него. С наслаждением ступая по приятно хрустящему мягкому снегу, прошелся к углу здания. Снег лежал во дворе и кое-где на тротуаре, а там, где по асфальту скользили колеса автомобилей, он давно растаял. Шорох шин по асфальту и неразборчивые голоса прохожих, вечерние огни сквозь ресницы полузакрытых глаз и этот необыкновенный запах талого снега, и ощущение близости театрального подъезда – ничего нет прекраснее зимней Москвы, вечерней, праздничной...

Из подъезда, где был запасной выход, вышли двое и подошли к стоявшему во дворе у служебного выхода автомобилю. Мужчина усадил женщину на заднее сиденье и осторожно прикрыл за ней дверцу. Но только он, усевшись впереди, завел двигатель, женщина выпрыгнула из машины и побежала назад, навстречу тому, кто появился из подъезда. А водитель крикнул что-то, приоткрыв свою дверцу, а потом, хлопнув ею в сердцах, так рванул с места, что снег веером махнул из под передних колес. Ну вот, доругались.

А эти двое вышли со двора и неспешно зашагали по сказочно припорошенной снегом улице... куда? Впрочем, вопрос этот плетущийся за ними в отдалении автор задает себе, а для них он преждевременен, просто неуместен. Сейчас им принадлежит вся Москва.

Вот самый прекрасный на свете бульвар, где в это время еще людно, но просторно, и дышится легко и спокойно. В аллеях натягивают поводки тянущиеся друг к другу собаки. На скамьях ничего и никого вокруг не замечают влюбленные. Поглядывая мельком на них, он и она еще оживленнее говорят о театре, и доносится сквозь скрип снега и шорохи вечернего города: «Эфрос... Виктюк... Розовский... ..да, но если бы Товстоногов не довел постановку до конца... ..Ну конечно, Лебедев...

...Послушайте, но это уже давно – придворный театр... ..какая там Турандот... ..Вы бы еще о синей птице вспомнили...» – а вот опять влюбленная пара на скамейке, но это не про них...

Ну вот и первое прикосновение: она поскользнулась, и он вовремя поддержал ее под руку, а она на миг прижалась к нему, так что он сам едва удержался на ногах, ощутив легкость и удивительную упругость ее тела и задохнувшись от аромата ее дыхания...

А что делать ответственному за все автору? Куда их вести? Вот один бульвар позади, а впереди – другой бульвар, еще прекраснее первого, но надо что-то делать... Прогулка-то затягивается. Свернем сюда, мимо очкастого здания ТАСС, там дальше еще один театр, но там спектакль давно идет, а слева, в переулке – прославленная молодежная студия, и там сегодня – в десять, еще можно успеть! – та самая повесть, печальнее которой нет на свете, и она так мечтала увидеть этот спектакль, но туда же совершенно невозможно попасть...

Вызов принят, и он лихорадочно вгоняет себя в то самое состояние, когда все чувства обостряются, а реакция – как у качающегося маятник контрразведчика-«чистильщика» из нашумевшего шпионского романа... Стоп. Он похолодел. Спектакль окончится за полночь. Все поезда уйдут, ей не уехать. И она это понимает. А что потом?... Ну вот, дожил: кого цитируешь... Что это у тебя сердце выпрыгивает, тебе сколько лет?...

Тут автор тяжело вздохнул и направился прочь отсюда. За них можно не волноваться: конечно же, билеты он теперь добудет, хоть из-под земли. В запасе часа три. Ох, не хочется будить суровую вахтершу из странноприимного заведения, но придется: куда же им после спектакля деться? В подъезде до утра сидеть?

- Как здорово... Спасибо, без вас я бы ни за что не попала... А что вы на меня так смотрите?

- Вы знаете... Сказать – прозвучит пошлейшим образом... У меня такое чувство... Но я всех своих студентов помню... Хотя – Диму вот не узнал... Но вас я точно знаю... Чем дальше, тем больше уверен... Может быть, на вечернем?... Я там немного читал... А вы в Перми... никогда?

- Никогда.

- Значит, ложная память... Дежа вью... Наверное, я вас себе раньше как-то представлял...

- Ну вот, проводите и снова забудете. Холодно... А куда мы идем?

- Тут рядом... Я здесь живу... Я вас туда не приглашаю, конечно... Но хоть в подъезде согреться... Ваш поезд ушел уже...

- Да. У этого поезда плакать не принято. Штраф...

- Это наваждение какое-то... Кто вы?

Хоть в подъезде им торчать до утра не придется. Вот и вахтерша.

- Молодые люди, я вам чаю согрела. Идите, не стесняйтесь... Тут такие хоромы... Раз в году приезжает какой-нибудь начальник, не знаю, для кого они этот люкс и держат. А мне убирать каждый день... Идите...

- Спасибо. Нам уже и так неудобно, что мы вас ночью потревожили... Может, возьмете, все-таки?

- Спрячьте ваши деньги... Не возьму. Это вам повезло: что-то на меня бессонница вдруг напала... Не могу спать, ворочаюсь. Дай думаю, пойду, проверю, все ли в порядке. А вы тут в подъезде мерзнете... Вот я тебе, милая, правду скажу: он который год сюда ездит, никогда еще пьяный не являлся и не приводил никаких... Единственный из всех! Потому я вам сама и предложила. Пожалела, очень вы пара хорошая. А он – порядочный, да и ты, я надеюсь не из этих... Ладно. Пейте чай, а я пойду, может засну еще...

Ну да, повезло им, как же... Но ему, автору, ни от кого благодарности ждать не приходится: сам эту кашу заварил, сам и разгребай; на ночь их пристроил, а дальше? Хорошо им до утра ворковать, а ты голову ломай. Из деликатности автор остался на кухне, попивать для них приготовленный чай и придумывать: что же завтра?

А они уже и не ворковали, а лежали в изнеможении, не в силах пошевелиться, и лишь кончики его пальцев отправлялись в долгое путешествие от ее затылка в ущелье между лопатками и дальше, по тонкому нервному хребту, а там открывалась еще бесконечно долгая

дорога в сказочную ложбину, за которой начинались совсем уже неземные рельефы. Голова ее лежала на его плече, и он вдыхал запах ее волос. Она лежала на нем, прижавшись к нему полной упругой грудью, но он совершенно не чувствовал ее веса. Ее легкость, невесомость и нежность всех ее прикосновений странно соединялись в ней с ненасытностью ее желаний и буйством восторгов при их исполнении.

- А теперь я тебе скажу, кто я... Я вас сразу узнала... А потом поняла, что вы меня не узнаете... Я же Марина... Ну, десятый „А“... Марина Петренко... Сейчас, правда, Непомнящая... Ну, Софья... Да, я ведь сейчас блондинка... крашенная... А тогда у меня волосы другие были...

- С ума сойти... Марина... Непомнящая... А, это же у вас был тогда... Ну, который Чацкий... Вадик Непомнящий... У вас еще тогда роман был... бурный... в выпускном классе... Вы потом поженились?

- И поженились, и разошлись... А вы как? Диссертацию защитили? Наукой занимаетесь? И театр вы не бросили... И опять – „Горе от ума“... Игорь Михайлович, всю жизнь хотела знать... хоть сейчас скажите: почему вы всегда на уроках смотрели именно на меня? Я вам нравилась?

- Ну, вы были очень красивой девушкой... Вы и сейчас... Но я на вас всегда смотрел... понимаете... Вы у меня были главный индикатор.

- На что?

- На скуку. Если вы внимательно слушаете, значит, интересно. Если я чуть помедленнее или неинтересно – все, поехали у вас глаза в сторону...

- А я думала, я вам нравлюсь... А с Непомнящим у меня, между прочим, из-за вас началось. Вам, то-есть, назло. И это у него роман бурный, а я – из-за вас. Потому что вы на меня внимания не обращали. А потом мы с ним поженились, на третьем курсе, а потом развелись. Четыре года назад...

- А ведь я почти вспомнил. Когда ты про поезд...

- Да, вы нам тогда на вокзале стихи читали на прощанье. Симонова. «У этого поезда плакать не принято. Штраф...». Вы и тогда на меня смотрели... И мне казалось – это для меня... А вы женаты?

- Нет... Я ведь развелся, когда уезжал...

- Я знаю... Мы все про вас знали... Мы ведь шли за вами, после репетиций... вообще... следом ходили... прятались...

- Да я вас видел...

- Видели... Господи, какой позор...

А знаешь о чем мы шептались, когда физика – первый урок?

- Знаю. Я ведь по губам умею читать... Что я только что из постели... Что я, кажется, уже располнел...

- Точно... И ты все знал? Вот дуры девчонки... Какой позор... Ну и дуры...

Знаешь, мне не верится, что это я с вами... Потрогать хочется...

- Ну, потрогай...

- Потрогаю... Ой...

- А почему вы с этим, ну, Чацким, разошлись?

- Я не знаю, почему мы с ним сошлись... Он всегда чувствовал, что это я со зла... В общем, я перед ним виновата. А у тебя там кто-то есть?

- Да как сказать... Не то, чтобы есть...

- А она замужем?

- Да... А как ты догадалась?

- Тоже мне, бином Ньютона. Она красивая?

- На тебя похожа. Только злая...

- Это плохо. Злая женщина – это несчастье... Ты ее любишь?

- Не знаю... Наверное, нет.

- А зачем тогда? Ну да, ты мужчина, тебе это нужно... Что я тут чепуху несу...

Слушай, а как же теперь... Нам ведь уезжать. И так было хорошо... Вот так и разъедемся?

- А ты одна?

- Почти.

- Почти... А кто он?

- Шеф мой... Представляешь...

- А ты его любишь?

- Он меня любит. Этого недостаточно?

- Не знаю. А ты бы его оставила?

- Ради тебя? Знаешь, он хороший человек. Очень добрый.

- А тебе с ним хорошо?

- Ты это имеешь в виду?

- Ага.

- Ты хочешь, чтобы я сказала, что с тобой лучше?

- Скажи правду.

- Ну, во-первых, он меня на двадцать лет старше. Во-вторых, ну да, с тобой лучше. Ну и что? Что из этого следует?...

На этот вопрос ответа не нашлось не только у героя, но и у якобы всезнающего автора. Что же, действительно, из этого следует? Следует жить, как некогда уже сказано, но разве тут вообще есть выбор?

И утро последует неминуемо. Хмурое московское утро, и с ним – неизбежное... Нет, не охлаждение. Но утро есть утро: тоска, предчувствия, заботы... Действительно, надо уезжать.

Киевский вокзал, перрон и разговорчивые украинские проводницы у дверей вагона. Переоформить билет на этот ранний поезд оказалось несложно – тут и помощи автора не понадобилась. У этого поезда плакать не принято. Штраф... Плакать и не хотелось. Утренняя деловитость, облегчающая расставание, а потом...

Потом ей сидеть у окна в пустом купе, обхватив голову руками и глядя в это окно, и ничего не видя, а ему – провести такой суматошный день, что до вечера все позабудешь, а вечером, приземлившись на скамейке у пруда, откуда до театрального подъезда рукой подать, все вспомнить и сидеть до темноты, не в силах идти туда, где на афише черным по белому: Константин Симонов «Мы не увидимся с тобой...»

2004